

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕЙЕРМАНЪ Гр.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода. 3 » 50 »
 На три мѣсяца. 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. На морѣ.—II. Весенняя пѣсня.
 (Стих.). С. Дрожжина.—III. Ловля голубей. (Разсказъ
 Элизы Оржешко). Переводъ съ польскаго. А. С—вой.

НА МОРЕ.

МДОЛЖЕНЪ былъ отправляться въ море. Странно и какъ-то необыкновенно звучали эти слова,—я, петербургскій житель, не ѣздившій дальше Царскаго Села или Петергофа, я отправляюсь въ дальнее плаваніе за нѣсколько тысячъ верстъ, въ Полярное море, къ сѣвернымъ берегамъ суровой Норвегіи! Выбранное мною поприще требовало, чтобы я шель въ плаваніе. Съ наступленіемъ слѣдующаго дня я

долженъ былъ быть на суднѣ, идущемъ въ двѣнадцать часовъ дня изъ Петербурга въ Кронштадтъ, а тамъ съ попутнымъ вѣтромъ и въ море. Послѣдній вечеръ я провелъ съ родными, — не легко было на сердцѣ, что-то тоскливо сдавило все внутри; кажется, въ эту минуту, еслибы явился какой нибудь поводъ не ѣхать или отложить поѣздку, я ухватился бы за нее, какъ утопающій за соломенку; разговоръ не клеился, всѣ были слишкомъ взволнованы. Наконецъ часъ срока пробилъ, я долженъ ѣхать... Дрожащей рукой благословила меня старушка бабушка и мать, послѣдній разъ я обнялъ брата и кинулся вонъ — слезы душили и не давали говорить. Далеко отъ дома на извощикѣ, я нѣсколько успокоился; прохладная весенняя ночь освѣжила меня. Откуда-то раздавались звуки музыки... гремѣлъ оркестръ; грустные мысли подавляли меня — я старался ободрить себя — да развѣ кто нибудь погонялъ тебя идти въ море, быть морякомъ? самъ хотѣлъ — мелькало въ головѣ. Вонъ Калининскій мостъ, больница, а тамъ лѣсная биржа... Дрожки уже не стучатъ по камню, а тихо катятся по мягкой землѣ. Вотъ Лопманскій островокъ съ убогими домиками, пріютами тружениковъ-лопмановъ, вотъ я и на пристани гавани, останавливаюсь противъ шкуны *), стоящей еще у берега. Расплатившись съ извощикомъ, я не пошелъ прямо на шкуну, а направился къ возвышенному мѣсту островка, — въ послѣдній разъ взглянуть на спящій Петербургъ. Нева тихо плескалась у ногъ, тихо было въ воздухѣ и на водѣ; безконечными рядами виднѣлись фонари, точно бисеромъ усѣивая набережную; вдали слышался неясный шумъ ѣзды, по поверхности Невы мелькали фонарики яликовъ и доносилось пыхтѣніе парохода, быстро идущаго къ Николаевскому мосту. Я оглянулся назадъ — пустое темное пространство и плескъ воды, и въ это то пустое пространство я долженъ пуститься, отдать себя на волю судьбы, а можетъ и найти раннюю могилу на днѣ

*) Названіе извѣстнаго рода морскаго судна.

ея. Невольно я обернулся къ городу и долго-долго смотрѣлъ, какъ будто хотѣлъ врѣзать въ память его очертанія и сохранить на все время... Гдѣ-то стали бить часы полночь, я тихо поплелся къ шкунѣ. Шкуна имѣла двѣ мачты ¹⁾— одну съ реями, ²⁾ другую безъ рей, въ ширину была сажени $2\frac{1}{2}$, въ длину сажень шесть ³⁾, носъ былъ острый, корма ⁴⁾ крутая, узкая; выкрашена была шкуна въ черную краску съ желтой каймой вокругъ борта ⁵⁾. На палубѣ, ближе къ кормѣ, находилась капитанская и штурманская ⁶⁾ каюта, а къ носу—каюта команды. На видъ шкуна была довольно красива и хотя стара, но годилась еще не для дальнаго плаванія—вотъ краткое описаніе шкуны, собравшейся плыть въ Ледовитый океанъ; ее назвали св. Николай въ честь угодника св. Николая, что и свидѣтельствовала надпись, сдѣланная крупными буквами на ея носу. Каюта, въ $1\frac{1}{2}$ квадр. сажени въ длину и ширину, вмѣщала въ себѣ камбусъ ⁷⁾ и служила убѣжищемъ шести матросамъ. Боцманъ, самый старый и старшій матросъ — это былъ чело-вѣкъ лѣтъ сорока, средняго роста, худощавый, но очень сильный; родомъ онъ изъ Тверской губерніи, откуда у насъ во флотъ много хорошихъ моряковъ, лицо онъ имѣлъ чрезвычайно симпатичное, окаймленное темной, густой бородою, выраженіе лица было спокойное и даже суровое, въ темно-сѣрыхъ глазахъ было замѣтно то достоинство, которое имѣютъ люди, знающіе себѣ цѣну, говорилъ мало, а если разговаривалъ, то въ наставительномъ тонѣ, ничто его не удивляло, ничто не беспокоило. Костюмъ его состоялъ изъ высокихъ сапогъ съ сунытуми туда коричневыми узкими брю-

¹⁾ Большое дерево, стоящее на палубѣ корабля и служащее мѣстомъ, куда привѣшиваются паруса.

²⁾ Поперечныя бревна на мачтѣ, къ которымъ прикрѣпляется парусъ.

³⁾ Передняя часть судна.

⁴⁾ Задняя часть судна.

⁵⁾ Перегородка у края судна.

⁶⁾ Штурманъ—помощникъ капитана.

⁷⁾ Кухня.

ками изъ англійской кожи, сверхъ вязанной фуфайки, сѣрая куртка такой же матеріи, какъ и брюки, на головѣ неизмѣнная круглая мерлушковая шапка съ полинявшимъ бархатнымъ верхомъ, и какъ бы въ дополненіе костюма, въ зубахъ торчала коротенькая трубка — носогрѣйка. Звали боцмана Евдокимомъ, остается сказать еще, что это былъ старый морской волкъ, исходившій въ морѣ всю свою жизнь, съ пятнадцатилѣтняго возраста. Потомъ были два молодые матроса, братья, старшій звался по фамиліи Неклюдовымъ, а младшій по имени Павломъ, родомъ архангельцы—поморы, съ дѣтства знакомые съ моремъ; Неклюдовъ былъ рослый парень геркулесовскаго сложенія, но крайне неряшливый: всегда у него гдѣ нибудь были лахмотья, о мытьѣ онъ не имѣлъ и понятія, пренаивно увѣряя, что „въ морѣ отвыкнешь мыться—ужъ и на горѣ (землѣ) не хошь“. Братъ его благообразнѣе, но съ глупо-дѣтскимъ лицомъ, всему онъ радуется, удивляется; улыбка рѣдко покидала его губы. Оба были безбородые и даже безъ усовъ, что большею частью бываетъ у архангельцовъ: у нихъ усы долго не показываются. Еще былъ кокъ *). Типъ чухонца, — парень молодой, лѣтъ 20, вѣчно въ круглой широкополой шляпѣ и съ болтающейся трубкой въ зубахъ, по-русски не говорилъ ни слова и понималъ очень плохо, постоянно въ сажѣ, съ разодранной на спинѣ жилеткой. Потомъ слѣдуетъ старшій помощникъ штурмана, Перепальскій, юноша статный, высокаго роста, съ чисто русскимъ лицомъ, бѣлокурыми волосами и сѣрыми большими глазами: отецъ его былъ изъ духовнаго званія, но онъ пустился въ море. Затѣмъ я пополняю комплектъ судовой команды. Остается начальство св. Николая, въ лицѣ капитана и его помощника штурмана: капитанъ Холинъ—мужчина лѣтъ сорока, крѣпкаго сложенія, съ головой напоминающей сахарную голову и покрытой короткими русыми волосами, съ маленькими бѣгающими глазами, которыхъ выра-

*) Корабельный поваръ.

женіе было недоброе и чрезвычайно хитрое. Штурманъ, родственникъ капитана, лѣтъ двадцати, лицо свѣжее, добродушное, глаза большіе голубые, напоминающіе восковыхъ херувимовъ на вербѣ. Вотъ и все населеніе св. Николая, отправляющагося въ Норвегію. Оно малочисленно, но на купеческихъ судахъ всегда только необходимѣйшее число людей, чтобы меньше платить жалованья. На шкунѣ легъ я въ свою койку съ грустными мыслями, и скоро заснулъ, какъ вдругъ былъ пробужденъ звукомъ колокола, надъ самымъ ухомъ. Я вскочилъ и вышелъ на палубу, — была ночь; капитанъ, возвратившись на шкуну, не засталъ вахтеннаго *) и звонилъ въ колоколъ, чтобы вызвать кого нибудь изъ каюты. Утромъ меня разбудилъ боцманъ и сказалъ, что мы скоро „отшвартуемся“, т. е. снимемъ всѣ связи, державшія шкуну у берега. Я быстро одѣлся, выйдя на палубу, увидѣлъ всѣхъ уже въ работѣ и самъ присоединился къ нимъ: таскалъ цѣпи, выбиралъ канаты, главное затрудненіе представлялось въ незнаніи техническихъ названій частей судна. Въ двѣнадцать часовъ было все готово къ отходу и стали обѣдать. Обѣдъ былъ очень непривлекательный, онъ состоялъ изъ похлебки и соленой трески, не разлакомишься! Но, что дѣлать! принялся и за него, голодъ, возбужденный работой, помогъ мнѣ, я съ аппетитомъ поѣлъ. Послѣ обѣда пришелъ священникъ и отслужилъ молебенъ, затѣмъ капитанъ обратился съ краткой рѣчью къ матросамъ, и, называя ихъ „братцами“, просилъ усердно исполнять обязанности и проч. Черезъ полчаса пришелъ пароходъ „Плевна“ и, взявши насъ на буксиръ, потянулъ изъ гавани по Невской губѣ къ Кронштадту, работы покуда не было. Прислонившись къ борту, я смотрѣлъ на удалявшіеся берега Петербурга, все глубже уходили они въ даль, вотъ уже блеститъ одна маковка Исакиевскаго собора, остальное задернулось дымкой и исчезло изъ глазъ. Шкуна плавно неслась вслѣдъ за пароходомъ,

*) Дежурнаго.

разрѣзая волны... Вотъ берегъ Петергофа... Прощай, Петербургъ! Скоро ли увижу тебя? Черезъ два часа мы входили на большой кронштадтскій рейдъ, пароходъ бросилъ буксиръ, а мы отдали якорь и встали въ двухъ стахъ саженьяхъ отъ берега, почти на открытомъ мѣстѣ. Капитанъ уѣхалъ на пароходъ въ городъ, а я, какъ ни хотѣлось на берегъ, не могъ, безъ дозволенія капитана. Въ началѣ ночи опредѣлилось очередное дежурство (вахта). Мнѣ пришлось дежурить первому. Не веселое было дежурство — еще съ вечера пошелъ дождь и лилъ всю ночь, я мужественно переносилъ все. Настало время смѣны, радостно пробилъ я стклянки *), завалился спать, и заснулъ, какъ убитый. Слѣдующій день прошелъ въ ожиданіи капитана и благопріятнаго вѣтра. Вечеромъ послѣ чаю — только что поставили вахтеннаго, и легли спать, пріѣхалъ капитанъ и велѣлъ приготовляться къ отплытію... Всѣ засуетились, забѣгали, штурманъ и боцманъ понукають матросовъ. Понемногу все устроилось, все стихло, всякій нашелъ себѣ работу, часть пошла на верхъ ставить паруса. Раздалась команда: „къ якорю!“ и всѣ, бывшіе на палубѣ, отправились къ ручной машинѣ, навертывающей цѣпь якоря на вертящійся валъ. Заходила равномерно машинка, побрякивая желѣзными зубцами съ цѣпью, поднимается поочередно то одна, то другая ручка лебедки, цѣпь пошла „въ тугую“, работать стало тяжелѣй: значитъ потянули якорь со дна и опять легко: якорь вынули изъ грунта, показался изъ воды штокъ **) якоря, еще немного приподняли и закрѣпили цѣпь. Я взглянулъ вверхъ и изумился невиданному зрѣлищу: паруса, до того свернутые, широко распустились и вся огромная площадь полотна туго надулась, вздрагивая повремениамъ отъ порывовъ вѣтра. Мы попали на фордевиндъ ***), подъ ногами замѣтно стало чувствоваться колебаніе палубы, чувство-

*) Число ударовъ въ колоколъ, соотвѣтствующее времени.

**) Поперечное бревно у якоря.

***) Названіе вѣтра, дующаго по пути.

валось что это не твердая опора, какъ прежде, а палуба корабля, идущаго по морю. Первая горячка работы прошла; одна половина людей легла спать, другая осталась на вахтѣ. Мнѣ пришлось быть въ первой вахтѣ, вмѣстѣ съ боцманомъ Неклюдовымъ и капитаномъ. Ночь была тихая, свѣжая, теплая, я радостно вдыхалъ свѣжій, теплый воздухъ, дующій съ юго-востока; легко было въ груди; необъятное пространство открывалось вдали, небо сходилось съ водой. Я наклонился у борта, ясно доносилось журчаніе воды подъ носомъ шкуны, да изрѣдко поскрипывали реи на мачтѣ. Я окинулъ взглядомъ весь горизонтъ,—впереди море безъ береговъ, позади чуть чернѣлась полоска западнаго берега Котлина, а немного правѣй ея—мигалъ огонь Толбухинскаго маяка—то внезапно и ярко блеснетъ, то померкнетъ совсѣмъ; послѣ я узналъ, что этотъ маякъ былъ вертящійся, слѣдовательно имѣлъ не постоянный свѣтъ, а перемежающійся. Посмотрѣлъ на воду—темная, будто съ зеленымъ отливомъ, долго я любовался незнакомымъ зрѣлищемъ, но вотъ впереди блеснулъ огонь другаго маяка—это былъ плавучій Лондонскій маякъ, на который мы должны были спустить лодмана *), плывшаго съ нами изъ Кронштадта. Не доходя полуверсты, капитанъ приказалъ поднять треугольный бѣлый флагъ, дающій знать находящимся на маякѣ о спускѣ шлюбки для принятія лодмана, и дѣйствительно, поровнявшись съ маякомъ, я замѣтилъ ныряющую на волнахъ шлюбку, она поджидала насъ чтобы взять лодмана. Послѣдній, попрощавшись со всѣми, спустился по трапу и прыгнулъ въ лодку. Послѣ его отъѣзда мы уже самостоятельно начали наше плаваніе—да благословитъ Провидѣніе его и насъ грѣшныхъ! Боцманъ пробилъ стклянки и наша вахта, смѣнившись, пошла спать. Много было различныхъ впечатлѣній у меня въ этотъ день, много новыхъ чувствъ! Долго не могъ я заснуть, не все будетъ такое тихое, благополучное плава-

*) Человѣкъ, проводящій судно черезъ мелкое мѣсто.

ніе, думалъ я, а что будетъ дальше? Воображеніе разыгрывалось, я старался представить себѣ бурю, и незамѣтно заснулъ. Четыре часа наша вахта могла спать, по прошествіи же четырехъ часовъ смѣнялась и такъ поочередно все время. Не легко было свыкнуться на первыхъ порахъ съ такимъ порядкомъ, казалось, слишкомъ мало спать четыре часа, но это законъ на морѣ—четыре часа вахты и снѣнья соблюдается на всѣхъ судахъ въ мірѣ.

Но вотъ уже чувствую, что меня толкаютъ, открываю глаза и соображаю, гдѣ я нахожусь. Проворно соскакиваю съ койки—надо замѣтить, что во все время плаванія—я ни разу ложась спать не раздѣвался, да и не я одинъ, а всѣ, слишкомъ неудобно и долго каждый разъ одѣваться и раздѣваться, довольствуешься тѣмъ, что скинешь сапоги и разстегнешь кушакъ. Соскочивши, я вышелъ на палубу—солнце уже вошло на горизонтъ; оглянулся направо, вода налѣво—вода, граница ея—небо! Вотъ оно море! подумалъ я.—Исчезъ берегъ, его нѣтъ, кругомъ водная стихія, которой, кажется, нѣтъ конца—вотъ эта картина, которую я себѣ часто старался представить! Да хороша! дѣйствительно хороша она! Море тихо, серебристая мелкая рябь ходитъ по поверхности, отражая еще не совсѣмъ голубое небо, а какого-то нѣжнаго свѣтло-синяго цвѣта. Легкій вѣтеръ дуетъ съ юга, онъ точно нагрѣтъ—теплый, а вмѣстѣ съ тѣмъ и необыкновенно свѣжій: невольно грудь расширяется, чтобы принять въ себя этотъ чудный воздухъ. Было восемь часовъ утра, бѣлыя чайки по всѣмъ направленіямъ мелькали свѣтлыми точками. Я взглянулъ на мачты, паруса были еле надуты и то верхніе, а нижніе тяжелые, повременамъ отъ сильной струи вѣтра надувались, опять опускались и хлопали о мачту. Я бы долго любовался на море, если бы меня не позвали работать. Судовая работа довольно тяжела и самая разнообразная, а вмѣстѣ съ тѣмъ и грязная—мнѣ, какъ новичку, было трудно привыкать къ ней. По воскресеньямъ у насъ работъ не было, тогда я или былъ на палубѣ, если хорошая погода, или же

сидѣлъ въ руфѣ ¹⁾ и записывалъ дневникъ, и такъ потекли дни за днями. Финскій заливъ мы прошли благополучно, т. е. было тихо и хорошая погода, хорошая для меня, но не для капитана; капитанъ надѣялся на болѣе сильный вѣтеръ и думалъ пройти заливъ скорѣе чѣмъ мы прошли. Онъ успокоился когда мы вышли въ Балтійское море. Балтійскому морю я обязанъ многими роскошными картинами при закатѣ и восходѣ солнца; его острова встрѣчающіеся по пути, дикаго характера, были живописны, островъ Гогландъ почти посреди залива, весь изъ скалъ живописныхъ формъ, опасенъ для судовъ,—онъ имѣетъ много подводныхъ банокъ! ²⁾ Мы вступили въ Балтійское море. Оно встрѣтило насъ очень не дружелюбно: какъ только мы миновали послѣдній средній маякъ, подулъ сильный сѣверо-западный вѣтеръ, шкуна наша дрогнула, паруса, поставленные къ вѣтру, надулись, снасти всѣ вытянулись и, наклонившись на бокъ, пошелъ Св. Николай со скоростью 11 узловъ ³⁾. Вода приняла грязно-желтый цвѣтъ, небо заволокло облаками и вообще вся обстановка приняла пасмурный, угрюмый видъ. — Я съ любопытствомъ и со страхомъ наблюдалъ и ждалъ, что будетъ дальше, мои думы были прерваны громкимъ голосомъ капитана; онъ посылалъ людей „на верхъ“ убирать самый верхній парусъ. Не зная еще правилъ плаванія, но читавши въ книгахъ, что когда ждутъ бурю, то убираютъ заблаговременно паруса, я былъ увѣренъ, что скоро настанетъ, а можетъ быть уже и настала буря и хотѣлъ пробраться въ руфъ, какъ вдругъ боцманъ предложилъ мнѣ съ нимъ вмѣстѣ отправиться на мачту, обѣщая показать, какъ убирается парусъ. По правдѣ сказать, мнѣ очень не хотѣлось лѣзть на верхъ и я въ душѣ проклиналъ старика, но не хотѣлъ показать себя трусомъ и, надвинувъ крѣпче шапку, смѣло пошелъ къ вантамъ ⁴⁾.

¹⁾ Каюта на палубѣ.

²⁾ Мели.

³⁾ Мѣра—равная длинѣ судна—11 узловъ въ 15 секундъ—или 11 миль въ часъ.

⁴⁾ Лѣстница изъ канатовъ, ведущая на мачту.

Вѣтеръ свистѣлъ и, чѣмъ выше я лѣзъ, тѣмъ онъ сильнѣй становился, точно препятствуя мнѣ. Я остановился, чтобы перевести духъ, но старикъ, слѣдуя сзади, торопилъ меня. Вотъ я на предпоследней реѣ, но надо лѣзть на послѣднюю; собравъ силы, я полѣзъ уже не по вантамъ, ихъ тамъ нѣтъ,— а просто по канату. Крѣпко впивались пальцы въ канатъ и я, помня, что въ подобныхъ случаяхъ никогда не надо смотрѣть внизъ, сосредоточилъ все свое вниманіе на рукахъ, но встѣ я и на бомъ-брамъ-реѣ. *) Вѣтеръ здѣсь такъ силенъ, что, положительно, задыхаешься отъ него. Добрался и боцманъ; мы встали на перты. Парусъ, до того времени туго натянутый, вдругъ подался и сталъ швырять изъ стороны въ сторону—это значитъ внизу „отдали“ его и вижу я, что боцманъ начинаетъ съ конца его свертывать въ трубу, я со своего тоже сталъ свертывать, хотя не мало труда было поймать мнѣ край паруса, развѣвающійся по воздуху, да при томъ и самому держаться отъ вѣтра; наконецъ у меня край свернуть, его надо обвязать веревками, тутъ же привязанными у рей, и это я сдѣлалъ; и мы стали спускаться. При спускѣ я на салингѣ **) оглянулся кругомъ; море было черное съ бѣлыми гребнями на верхушкахъ волнъ картина расхोдившейся стихіи была величественна. Во время работы на мачтѣ я и не сообразилъ, что качка сдѣлалась порядочная. Спустившись съ мачты, я только что прыгнулъ на палубу и сталъ немного оправляться, какъ вдругъ почувствовалъ, что меня невѣдомой силой потянуло къ кормѣ и какъ не упирался, а побѣждалъ на корму и съ размаха шлепнулся у руля. Смутившись такимъ приключеніемъ, и видя что надо мной хохочетъ Перепольскій, я всталъ, но меня съ изумительной силой повлекло прямо въ дверь руфа, чему я очень обрадовался и на всѣхъ парахъ влетѣлъ въ каюту; тутъ боцманъ мнѣ сказалъ, что современемъ я научусь ходить при качкѣ. Ну, ни кому не пожелаю быть въ положеніи чело-

*) Самая верхняя рея на мачтѣ.

**) Маленькій балкончикъ на мачтѣ.

вѣка, имѣющаго поползновеніе метаться изъ угла въ уголъ въ перегонку съ другими предметами.—Благодарю небо, что я не подлежалъ еще морской болѣзни, а болѣзнь эта ужасная! Мой товарищъ Перепольскій подвергся ей припадку, да такъ, что принужденъ былъ лечь въ койку. Серьезнаго ничего нѣтъ въ этой болѣзни, но она мучительна и чувствуется полнѣйшее расслабленіе. Средства отъ морской болѣзни нѣтъ никакихъ, употребляютъ лимонъ, табакъ, но это все большею частью бесполезно; я радовался, что не подвергся этой непріятной дани морю.

И такъ мы идемъ скоро и капитанъ очень доволенъ. Я, воображавшій, что вижу бурю, былъ изумленъ, узнавши что такой вѣтеръ называютъ только свѣжимъ... А? какъ покажется это вамъ?! чуть съ ногъ не спибаешь, а у нихъ „свѣжій“, хорошъ свѣжій, но это не все — волны, производшія качку, называютъ не волнами, а „зыбью“; я былъ совсѣмъ озадаченъ и съ наплывомъ новыхъ чувствъ отправился въ руфъ... Балтійское море мы замѣчательно быстро прошли: черезъ два дня послѣ выхода изъ залива мы уже увидѣли островъ Готландъ, тянувшійся по горизонту. Вѣтеръ все время былъ свѣжій по морскому, а по моему ужасный; немного стихъ и волненіе уменьшилось, когда мы зашли за островъ, затѣмъ потянулся островъ Эландъ, а черезъ сутки мы увидѣли островъ Борнгольмъ. Этотъ островъ принадлежитъ Даніи, значитъ, мы уже не на русской водѣ а за границей. Видъ острова живописенъ. Я былъ на вахтѣ ночью; полная луна вошла на чистое синее небо, въ воздухѣ тепло, море успокоилось и легкая, мелкая рябь блестѣла серебромъ въ широкой полосѣ свѣта, бросаемой луной. Все приняло какую-то сказочную обстановку, въ темномъ небѣ блеститъ немного, но ярко созвѣздій, а вдали, освѣщенные луной, довольно высоко поднимаются изъ воды мѣловыя горы острова, отливая синеватымъ свѣтомъ... Дивная картина! Такъ бы и стоялъ неотрываясь отъ нея, но пришло время бить стклянки и будить другую вахту... Я ушелъ спать въ

самомъ поэтичномъ настроеніи и долго не могъ заснуть, — передъ глазами все была еще чудная лунная ночь и бѣлѣющія горы Борнгольма.

На другой день солнце порядочно грѣло, море тихо и легкій вѣтерокъ, дувшій сначала намъ по пути, мало по малу подвигавшій шкуну, стихъ окончательно и наступилъ полный штиль. *) Паруса повисли на реяхъ, полная тишина, только по борту мелкіе всплески волнъ нарушали ее. День былъ воскресный, работъ не было, расположившись поудобнѣе на палубѣ, я принялся за разсматриваніе острова... Вотъ вдали видна рыбацья лодочка, она повидимому стремится достигнуть нашей шкуны, все ближе и ближе... Уже можно различить сидящаго въ лодкѣ старика-рыбака и другаго молодого, вѣроятно сына; лодка нагружена рыбой, большею частію камбалой, камбала походитъ на леща, но шире его и почти плоская, глаза у нее только съ одной стороны, цвѣта камбала съ одной стороны темнаго, иногда съ красными крапинками, съ другой бѣлаго, молочнаго, матоваго. Камбалы свѣжія очень вкусны въ ухѣ и жареныя. Вскорѣ лодка съ рыбаками поравнялась съ нашимъ бортомъ и старикъ, взявъ въ руку камбалу, сталъ что-то кричать и предлагать купить рыбу. Боцманъ, вышедши изъ руфа на крикъ, и замѣтя рыбаковъ, сказалъ намъ, что рыбу у нихъ можно купить и не на деньги, а дать имъ взаменъ рыбы морскихъ сухарей, которые они считаютъ очень вкусными. Мы такъ и сдѣлали и за два десятка сухарей получили семь довольно большихъ камбалъ.

На слѣдующій день продолжалась тишина. Всѣмъ хотѣлось скорѣй взглянуть на столицу Даніи, и находясь въ пятнадцати миляхъ отъ Копенгагена, не могли подвинуться къ нему ни на полъ-мили ближе. Наконецъ-то насталъ желанный вѣтеръ, мы, хотя лавируя, пошли и мало по малу стали приближаться къ цѣли. Весь день прошелъ

*) Затишье.

въ лавировкѣ, это очень утомительно, особенно, когда часто надо мѣнять галсы *), плывя въ Зундѣ. Наконецъ, послѣ многихъ поворотовъ, я увидѣлъ вдали раскинувшійся Копенгагенъ, видъ съ моря на городъ очень красивъ; окраины его и предмѣстья тонуть въ зелени, посреди городской набережной, выдаваясь впередъ, видна военная крѣпость съ развѣвающимся національнымъ флагомъ, а флагъ датскій очень красивъ: красное поле, а на немъ бѣлый крестъ. Пароходы, суда парусныя, лодки, барки, плоты — кишмя кишатъ на рейдѣ; лѣсъ мачтъ всевозможныхъ величинъ подымается и ясно отдѣляется на свѣтло-голубомъ небѣ; дальній шумъ города, доносясь, смѣшивается съ шумомъ на рейдѣ — пыхтѣнье пароходовъ, свистки, — все это безконечнымъ хаосомъ стоитъ надъ городомъ, но этотъ шумъ звучитъ какъ-то приятно, съ удовольствіемъ прислушиваешься къ нему, радуешься что видишь жизнь, видишь кипучую дѣятельность людей — все это неизъяснимо отрадно послѣ, хотя и величественной, но довольно однообразной картины безбрежного моря и меланхоличнаго шума его.

У самой гавани еще городъ не начинается, тутъ его предмѣстья, домики все веселенькіе, большею частью красные, съ черепичной крышей остроконечной формы, съ маленькими окнами частаго переплета. Вокругъ этихъ домиковъ садики, что въ общемъ прелестно. Въ Копенгагенѣ мы простояли два дня; взяли прѣсной воды и товару: рому, шерстяныхъ рубахъ, сахару, табаку, непромокаемаго платья и проч.; все это капитанъ бралъ для продажи у себя, въ факторіи **) на Мурманскомъ берегу ***), куда мы и должны были идти. Еще замѣчу, что, когда мы стояли на рейдѣ, то множество торговцевъ на маленькихъ парусныхъ лодкахъ, то и дѣло, подплывали къ шкунѣ и предлагали: табакъ,

*) Боковые пути корабля, когда онъ лавируетъ противъ вѣтра.

**) Амбаръ на мало населенныхъ мѣстахъ, въ которомъ продаются всѣ необходимые продукты — для промышленниковъ.

***) Берегъ, гдѣ собираются лѣтомъ рыбаки на промыселъ.

виски *), трубки, яйца и разныя мелкія вещи. Я изъ любопытства нѣсколько разъ покупалъ разныя бездѣлушки, мы объяснялись очень оригинально съ продавцами пантомимой и нѣсколькими нѣмецкими словами, въ общемъ насъ понимали; замѣчательны у этихъ продавцовъ башмаки, кожаные съ толстой деревянной подошвой (изъ бука), а то и совсѣмъ деревянные, выдолбленные изъ полѣна.

Мы снялись съ якоря ночью; было тихо, тепло, всѣ были въ полной увѣренности, что простоимъ еще ночь на якорѣ; какъ вдругъ пріѣзжаетъ капитанъ и велитъ готовиться къ снятію; прощай покойная стоянка! Качка и невзгоды впереди!

Капитанъ Холинъ производилъ на меня непріятное впечатлѣніе, и къ несчастію это впечатлѣніе оправдалось. Это былъ промышленникъ, у котораго выгода стояла на первомъ планѣ. При выходѣ въ Финскій заливъ оказалось, что онъ забылъ взять карты для плаванія. Карты морскія—это сила покоряющая человѣку море, къ счастью у товарища Перепольскаго оказалось нѣсколько картъ Балтійскаго моря — по нимъ мы и шли до Копенгагена. Затѣмъ, наливая въ Петербургѣ прѣсную воду въ бочки, капитанъ не позаботился посмотрѣть, какъ и во что ее наливаютъ, а оказалось, что вода была налита въ бочки изъ-подъ трески, которыя не позаботились не только что выпарить, но даже и выполоскать, и вода получила отвратительный запахъ и вкусъ. Масло, назначенное по фунту на недѣлю каждому матросу, выдавали по $\frac{3}{4}$ фунта. Всѣ эти мелочи очерчивали капитана.

Мы стали приготовляться къ поднятію якоря, опять заходила—забрыкала лебедка, затащилъ дубинушку боцманъ, поощряя матросовъ; вытянули якорь. Паруса поставили, вѣтеръ былъ противный, а потому стали идти галсами по Зунду. Чуть не каждыя 10—15 минутъ надо было поворачивать, то есть переставлять всѣ паруса. Проработали всю ночь; утромъ

*) Родъ водки.

рано поравнялись съ Гельзингеромъ—тутъ такъ узко, что на лодкѣ можно переѣзжать съ датскаго берега на шведскій. Недалеко отъ Гельзингера видѣнъ на берегу красивый замокъ съ башней, на которой развѣвался датскій флагъ. Послѣ обѣда мы вышли въ Скагеракъ, прошли мимо мыса Нуллинъ, шведскій, живописнаго вида; крутая, огромная скала, выдавшись въ море, была хороша своей дикой красотой. У моряковъ существуетъ обычай: у этой скалы платить дань морю, и крестить моряковъ новичковъ, чего и я не могъ избѣгнуть, меня облили морской водой съ головы до ногъ. Этотъ мысъ мы видѣли послѣдній, когда онъ скрылся изъ глазъ, кругомъ—вода и небо, и на долго въ этотъ разъ пришлось не видѣть земли.

Въ Балтійскомъ морѣ встрѣчаются острова; чувствуется, что земля не особенно далеко, тутъ же чувствуешь, что ты не въ закрытомъ морѣ, но выходишь въ океанъ—безбрежный, необъятный, что по немъ можно идти нѣсколько нидѣль и видѣть одну картину—океанъ. И пошелъ рядъ длинныхъ, безконечныхъ дней, однообразныхъ, сѣрыхъ, скучныхъ.

Между моремъ и океаномъ чувствуется разница въ цвѣтѣ воды, во вкусѣ, она горькая и соленая, а въ морѣ только соленая; волны въ океанѣ грандіознѣе морскихъ; простая зыбь шатаетъ шкуну изъ стороны въ сторону, какъ лодочку на Невѣ. Постоянныя волны океана идутъ правильно, круглыми валами, и вотъ тутъ оправдывается счетъ валовъ, многими считаемый за вымыселъ: въ океанѣ есть счетъ валамъ, и девятый валъ—сильнѣйшій изъ нихъ!

Прошедши Нѣмецкое море—это предверье къ океану—вступили въ Атлантическій океанъ и я впервые увидѣлъ акулъ. Онѣ шныряли у шкуны взадъ и впередъ; крупнѣйшія изъ нихъ были сажени въ полторы, въ двѣ. Страшная пасть унизана бѣлыми, частыми зубами. Онѣ плавали почти у борта. Плаваетъ акула большею частью немного на боку, это даетъ возможность видѣть ея морду: сверху она тупая, пасть же ея гораздо ниже, почти у самага брюха; вся акула сверху сѣровато-бураго цвѣта,

а снизу почти бѣлая; огромные, сильные плавники треугольной формы даютъ ей возможность быстро повертываться; глаза у нее большіе, круглые, подвижные — бѣда матросу, захотѣвшему выкупаться за бортомъ въ жаркій день! Акула мгновенно появится откуда нибудь. Появленіе акулъ немного поразнообразило плаваніе, потомъ и онѣ надоѣли, на нихъ не обращали вниманія, и опять потянулись долгіе, скучные дни. Томительно какъ-то чувствовалъ я себя, здоровье разстроивалось вслѣдствіе плохой пищи и непривычной тяжелой работы. Треска и треска, сухари прѣсные и больше ничего! Въ воздухѣ чувствовался холодъ, а на пятнадцатый день по выходѣ изъ Копенгагена была уже стужа, да и не мудрено; мы находились въ Ледовитомъ океанѣ и пересѣкли полярный кругъ! Стали поговаривать, что скоро обогнемъ Нордъ-Капъ, а тамъ недалеко и до губы, гдѣ находилась факторія капитана. Стало такъ холодно, что я на вахту одѣвалъ два пальто одно на другое; при этомъ мелкій, пронизывающій дождь безконечно сѣялъ изъ сплошнаго сѣро-грязнаго неба. Вода приняла свинцовый цвѣтъ, а въ впадинахъ волнъ — совсѣмъ черный; валы, разбиваясь о бока шкуны, уже не влетали взбрызгами кверху, а какъ-то лѣниво-тяжело падали обратно въ воду; здѣсь вода чрезвычайно горька и солона, плотна и тяжела. Вѣтеръ, попутный и равномерный, вдругъ сталъ порываться; то стихнетъ, такъ что глазу замѣтно, что судно стоитъ, то вдругъ налетитъ и понесетъ съ быстротою.

Боцманъ качалъ головой и говорилъ, что будетъ ураганъ, передъ ураганомъ судно убираетъ всѣ паруса, они не могутъ выдержать напора вѣтра. Наша вахта кончилась, я пошелъ спать, чувствуя себя очень дурно, желудокъ былъ разстроенъ и весь я точно расклеился, прежде чѣмъ идти въ руфъ, я еще разъ взглянулъ на море. Зловѣще какъ-то смотрѣло небо на горизонтѣ, не было ни малѣйшаго просвѣта; а все больше и больше увеличивалась темнота. Вѣтра нѣтъ, тихо и даже будто теплѣе, волны, странно освѣщенныя, плескались у борта съ мягкимъ шумомъ, въ воздухѣ пред-

чувствіе чего-то; я вполне повѣрилъ боцману. Я самъ чувствовалъ, что что-то будетъ; далеко гдѣ-то слышался неопредѣленный смѣшанный какой-то шумъ или не шумъ, а шепотъ какой-то... Вотъ, какъ стрѣла пролетѣла и метнулась, будто чайка, но нѣсколько меньше и темная, я скорѣй по догадкѣ, чѣмъ по примѣтамъ сообразилъ, что эта птица—буревѣстникъ... Вотъ другая неслышно, быстро промчалась низко надъ водой, раздался какой-то болѣзненный надорванный крикъ, что-то нехорошее, зловѣщее слышалось въ этомъ крикѣ—такъ кричитъ буревѣстникъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЕСЕННЯЯ ПѢСНЯ.

ТОРОНА родная! уголокъ знакомый!
Темныя избенки, крытыя соломой,
Ветхіе сараи, черныя овины,
Стройныя березы, вербы и рябины
Наготу скрываютъ этихъ бѣдныхъ хатъ,
И всё одѣваютъ въ праздничный нарядъ.
На дворахъ солома, солнцемъ залитая,
Кажется весною словно золотая.
Въ воздухѣ струится голубой дымокъ,
Смотрить, улыбаясь, каждый уголокъ.
Не видать ни грязи, ни нужды забитой
И мужикъ голодный кажется мнѣ сытымъ.
Вотъ онъ, кафтанишка подтянувъ ремнемъ,
Вышелъ за ворота съ испытимъ лицомъ.

Раза три на церковь Божью покрестился,
Въ руки взялъ топорикъ и засуетился
Надъ своей сохою, догадался знать
Что на ней придется поле распахать.
Сошники обладилъ, первую заботу
Сбросилъ съ плечъ,—а завтра съ Богомъ на работу!

С. Дрождинъ.

ЛОВЛЯ ГОЛУБЕЙ.

Разсказъ Элизы Оржешко.

(Переводъ съ польскаго).

ЗЪ ШИРОКИХЪ и многолюдныхъ улицъ города къ извилистымъ и тихимъ закоулкамъ зарѣчнаго предмѣстья бѣжала десятилѣтняя босая дѣвочка, худая, гибкая, въ грубой юбкѣ, перепоясывающей рваную рубашку, съ густыми волосами, сверкающими отблескомъ золота и мѣди.

Она бѣжала быстро, открывала широко черные впалые глаза, и то поднимая, то опуская руки, казалось размахивала ими какъ крыльями. Отъ времени до времени она кричала:

— Владекъ! Владекъ!

— Вдругъ передъ бѣгущей дѣвочкой раздался подавленный шепотъ:

— Стой! ты спугаешь мнѣ птицъ! стой же, Марцеля! тише.

Она стояла какъ вкопанная. Все ея лицо, разсерженное и усталое, дрогнуло улыбкой радости и широко открытые глаза устремились на того, кто подавленными восклицаніями приказывалъ ей молчать и не двигаться.

Это былъ мальчикъ годами двумя постарше ее, по одеждѣ походившій на уличнаго оборванца, съ лицомъ бойкимъ, даже проникательнымъ, съ сѣрыми глазами, сверкающими изъ подъ тонкихъ русскихъ бровей. Онъ стоялъ прижавшись плечами къ плетню; защищенный отъ взоровъ прохожихъ, съ одной стороны стѣной какого-то сѣраго зданія, съ другой—толстымъ пнемъ высохшаго тополя, мальчикъ поднялъ высоко голову, устремилъ глаза съ расширенными зрачками на крышу противоположнаго дома, а подъ плечемъ держалъ голубя съ кирпично-розовыми крыльями, который спокойно усѣлся, и приподнимая клювъ, глядѣлъ на противоположную крышу, изрѣдка воркуя тихо и урывчато.

На противоположной крышѣ сидѣла многочисленная стая голубей.

Улица предмѣстья, невымощенная и поросшая травой, была въ ту минуту тиха и почти безлюдна. Кое-гдѣ за плетнями въ огородахъ работали, за окнами раздавался стукъ или скрежетъ ремесленнаго орудія, тамъ и сямъ слышался какой-то шумъ, порою смѣхъ, по улицѣ никто не проходилъ, никто не выглядывалъ на нее. Вѣрно эта передвечерняя тишина благопріятствовала намѣреніямъ мальчика; очевидно рассчитывавшаго на что-то съ голубемъ подмышкой. Марцеля поняла это и, подкрадываясь на цыпочкахъ, подошла къ мальчику, встала тутъ же подлѣ него и съ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ оттѣнкомъ страха, устремила взглядъ на стаю птицъ, усѣвшуюся на противоположной крышѣ.

— Владекъ, шепнула она, развѣ они еще не подлетали?

— Нѣтъ еще!—прошепталъ мальчикъ въ отвѣтъ.

— Пусть бы ихъ коршунъ задушил!—началъ онъ браниться—сидятъ себѣ, да сидятъ!

— А проводникъ у тебя есть? спросила Марцеля.

— Конечно!

И онъ высунулъ немного изъ-подъ плеча розоваго

голубя и показалъ его Марцелъ. Дѣвочка провела маленькой, смуглой рученкой по шелковистымъ крыльямъ голубя.

— Миленокъ! Миленокъ! ой ты Миленокъ! — шептала она, прижимаясь губами къ его клюву.

— Знаешь-ли? таинственно шепталъ мальчикъ, постоянно глядя вверхъ, этотъ портняжка умѣетъ воспитывать голубей! Сколько ему голубей мой Миленокъ привелъ!.. если бы у меня было столько рублей, я былъ бы баринѣмъ! А черезъ это у него голубей съ каждымъ разомъ все больше и больше! Ну ужъ я имъ въ этомъ году насолю!.. Клянусь Богомъ, я уведу всѣхъ и только двѣ пары оставлю на разводъ? Пусть тотъ портной лопнетъ со злости! Что онъ со мной сдѣлаетъ!

Едва онъ окончилъ свою фразу, нѣсколько сѣрыхъ и бѣлыхъ голубей вспорхнуло надъ крышей и отвѣснымъ полетомъ взвились вверхъ. Мальчикъ вздрогнулъ.

— Двигайтесь, дѣтки, ну, двигайтесь! — закричалъ онъ почти громко.

Черезъ минуту вся усѣвшаяся на крышѣ стая одновременно всполошилась и наполнила воздухъ миганьемъ и шелестомъ крыльевъ, а мальчикъ взялъ въ обѣ руки своего розоваго голубя, который дрожалъ какъ бы отъ нетерпѣнія, поднялъ его какъ можно выше и пустилъ въ пространство. Птица широко развернула крылья и какъ молнія влетѣла въ мелькающую и хоромъ воркующую тучу голубей. Въ воздухѣ началась охота и особенные договоры.

При приближающемся вечерѣ небо приняло лиловатый оттѣнокъ и усѣялось обрывками облаковъ, блескъ солнца, заходящаго за городскія стѣны, золотилъ и румянилъ ихъ. Между громадой яркихъ, волнистыхъ облаковъ, разсѣянныхъ по блѣдному небу, и длинной, обросшей мохомъ, крышей стараго дома, на которой лежали вѣтви развѣсистыхъ деревьевъ, происходили птичьи игры, въ которыхъ голубь-учитель старался вывести изъ стаи и увести за собою своихъ скромныхъ неученыхъ братьевъ. Среди мигающей

тучи бѣлыхъ и сѣрыхъ крыльевъ, розовый проводникъ, окутанный яркимъ блескомъ облаковъ, точно крылатый пламень кружился и подлеталъ, перебѣгалъ дорогу, ударялъ крыльями о крылья, то мѣшался со стаей, то выдѣлялся изъ нея, казалось, заглядывалъ въ глаза товарищамъ, воркуя, какъ бы уговаривалъ, просилъ слѣдовать за собою, указывалъ дорогу.... Стая толпилась около него, то тревожно или шаловливо разсѣивалась, усаживалась на крыши и наколышащихся подъ нею вѣтвяхъ деревьевъ, то снова взвивалась высоко и неподвижно повисала подъ золотыми облаками.

А въ то время какъ это происходило на верху, внизу подъ бѣловатымъ заборомъ узенькаго деревенскаго закоулка, между угломъ сѣраго амбара и пнемъ высохшаго дерева, двое дѣтей стояли близко прижавшись другъ къ другу, съ устремленными вверхъ глазами, слѣдя за каждымъ движеніемъ птицъ и вздыхая тяжело и быстро. На лицахъ обоихъ выступилъ лихорадочный румянецъ и можно было слышать порывистое бѣненіе ихъ сердець.

Это была настоящая своеобразная охота. Вмѣсто тѣнистыхъ лѣсовъ или обширныхъ болотъ полемъ ей служила тѣсная улица предмѣстья и воздухъ, позолоченный заходящимъ солнцемъ. Вмѣсто блестящихъ, стройныхъ охотниковъ, было двое дѣтей оборванныхъ, босыхъ, прячущихся за деревья съ трепетными устами и пылающимъ страстнымъ взглядомъ. Сокола заступалъ розовый голубь Миленокъ, а добычей должны были служить такіе же голуби, ловля которыхъ съ помощью воспитанныхъ для этой цѣли проводниковъ является наслажденіемъ, славой и источникомъ дохода уличныхъ ребятъ.

Вдругъ Владекъ закричалъ притихшимъ, но радостнымъ голосомъ:

— Ага! уводить!

Марцеля подскочила раза два, какъ бы желая улетѣть съ голубями и шепнула:

— Уводить! уводить! уводить!

Миленокъ выдѣлился изъ стаи, пролетѣлъ небольшое пространство и повисъ въ воздухѣ. Съ минуту онъ оставался одинокимъ. Отъ стаи отдѣлился и направился къ нему сначала одинъ, потомъ другой, третій, четвертый голубь. Они летѣли шнуромъ, а потомъ окружали проводника нѣсколько разъ все болѣе и болѣе тѣснымъ кругомъ. Когда такимъ образомъ образовалась порядочная группа, выдѣлившаяся изъ большой стаи, которая тихо какъ бы въ замѣшательствѣ или печали усѣлась на обросшей мохомъ крышѣ, Миленокъ взвился выше и быстрымъ полетомъ пустился къ зеленой стѣнѣ лѣса, виднѣющейся вдали изъ-за сѣрыхъ домовъ. За нимъ летѣли увведенные имъ товарищи. Ихъ было шесть.

— Шестеро! шестеро! — хлопая въ ладоши, закричалъ мальчикъ и со всею быстротою своихъ гибкихъ босыхъ ногъ пустился улицей, повернулъ на другую, на третью, чтобы сократить себѣ дорогу перескакивалъ черезъ плетни, казалось, птичьимъ полетомъ онъ хотѣлъ бы достигнуть зеленой стѣны лѣса. За нимъ бѣжала Марцеля, крича изъ всѣхъ силъ задыхающейся груди: шестеро! шестеро! а потомъ: Владекъ! подожди, стой!

Но Владекъ не останавливался и не ожидалъ ее, а она, меньше и слабѣе его, казалось, готова была упасть отъ усталости. Но счастливый исходъ охоты наполнялъ ее непонятной радостью, которая какъ бы поднимала ее отъ земли.

Такимъ образомъ, задыхающія, разгорѣвшіяся, съ блестящими глазами и развѣвающимися по вѣтру волосами, черезъ закоулки, дворы и заборы, дѣти эти бѣжали туда, гдѣ вверху высоко надъ ними летѣлъ рядъ голубей къ зеленому лѣсу и стоящей у его стѣны сѣрой избушкѣ съ низенькимъ плетнемъ, окружающимъ ее маленькій жалкій огородишко. Лѣсъ, избушка, плетень и огородъ показались вдали... вдали подъ самымъ склономъ лиловаго неба, въ синемъ туманѣ

пространства, въ которомъ черезъ минуту исчезли голуби и дѣти.

Это было странное мѣсто, дикое, хотя находилось въ предѣлахъ многолюднаго города, свѣтлое и темное въ одно и то же время. Туманъ, изъ котораго оно вырисовывалось, происходилъ только отъ одного отдаленія, онъ поднимался также и надъ прудомъ, неподвижно лежащимъ въ лѣсу, надъ которымъ росло нѣсколько старыхъ вербъ, толстыя искривленныя широкія обвисшія вѣтви которыхъ плескались въ зеленоватой поверхности воды. Въ предвечернюю пору глубина лѣса погружалась уже въ густой мракъ, только за прудомъ и вербами проглядывало еще позлащенное солнцемъ поле, да повременамъ, прибывающій солнечный лучъ, пробивая густыя тѣни, падалъ на воду или игралъ въ барбарисахъ, шиповникѣ и лѣсномъ крыжовникѣ, растущими тамъ низенькимъ, колючимъ лѣсомъ. Изъ этого низенькаго лѣска, изрѣдка освѣщеннаго блѣднымъ лучемъ солнца, выбѣгала среди травы узенькая вытоптанная тропинка и поднималась на высоту около лѣса, съ которой все было виднѣе до самаго домика съ огородомъ и плетнемъ уже вполне облитыми пурпуромъ предвечернихъ облаковъ. Маленькія окна домика или скорѣй избушки походили на рубины, въ которыхъ переливается пламя, плетень казался огненнымъ, съ растущихъ въ огородѣ двухъ старыхъ грушъ падали капли золотой росы, а на склонѣ высокой горы за противоположной стѣной ихъ стоялъ обширный городъ, за которымъ солнце скрылось и только отблескъ его сверкалъ на шпиляхъ и крестахъ церквей, точно летучіе огоньки, да трепеталъ золотомъ и пурпуромъ въ стеклахъ оконъ, по зелени огородовъ и въ дымѣ изъ трубъ вылеталъ тысячами лентъ розовыхъ, синихъ, серебристыхъ и разстилался въ тихомъ покоѣ подъ блѣднымъ небомъ и пухомъ облаковъ.

Въ избушкѣ у лѣса, повидимому, не было никого, за рубиновыми окнами царила полная тишина. Вдругъ въ воздухѣ зашелестили въ высотѣ крылья, пролетѣли голуби и

успелись рядышкомъ на крышѣ. Почти въ ту же минуту на тропинкѣ, ведущей отъ предмѣстья, послышался быстрый бѣгъ, Владекъ, задыхающійся, съ развѣвающимися волосами и разстегнутой на груди рубашкой, добѣжалъ до угла избышки, протянулъ вверхъ руки и въ одно мгновенье съ ловкостью и быстротою кота, взобравшись на стѣну, сталъ на крышѣ. На тропинкѣ показалась также бѣгущая Марцеля, она безъ отдыха, съ очевидной привычкой къ такого рода упражненіямъ, цѣпляясь за балки стѣнъ и вѣтви молодого деревца, пошла по слѣдамъ товарища. Черезъ минуту оба стояли на крышѣ и громко засмѣялись, дыша широко и быстро.

— То-то удалось!—закричалъ Владекъ.

— Удалось!—повторила дѣвочка и наклонившись взяла въ обѣ руки розоваго голубя проводника, говоря прерывающимся отъ усталости голосомъ.

— Добрый Миленокъ! дорогой Миленокъ!—и цѣлуя шелковистыя крылья и хохлатую головку птицы.

Владекъ, между тѣмъ, предавался болѣе практичному занятію. Онъ открылъ клапанъ, закрывающій деревянную съ узенькимъ оконцемъ голубятню, затѣненную травой и низенькими растеніями, которыми поросла старая соломенная кровля, и умѣстилъ въ голубятнѣ подъ рядъ прибывшихъ за Миленкомъ голубей. Устроивши голубей, закрылъ клапанъ и успѣлся.

Крыша была довольно поката, но дѣти удобно умѣстили въ образовавшихся на ней отъ старости углубленіяхъ, опершись плечами о голубятню, а босыми ногами о гибкія вербочки, которыя посѣялъ на крышѣ вѣтеръ.

— Вотъ и прекрасно! началъ Владекъ—старой-то нѣтъ дома и она не узнаетъ о нашихъ голубяхъ... если бы узнала она, то взяла бы у меня, какъ и всегда, половину денегъ, которыя я получу за голубей? А теперь, завтра, голубей продамъ и ничего не дамъ ей!

— А что ты сдѣлаешь съ этими деньгами? спросила Марцеля.

— Вотъ что? Наѣмся до сыта... Я всегда такъ голоденъ, что ужасъ...

— Тетка сегодня колбасу ѣла, а мнѣ дала кусокъ черстватаго хлѣба и немного каши.

— Ахъ! забыла! крикнула вдругъ Марцеля.

— Что ты забыла?..

Вмѣсто отвѣта дѣвочка вынула изъ-за рубашки два большіе кренделя и смѣясь во весь голосъ показала ихъ мальчику.

Онъ протянулъ къ ней руку.

— Подожди! дамъ сама! вотъ тебѣ! и она отдала ему одинъ изъ двухъ кренделей, а другой поднесла ему ко рту.

— Господи! хорошо, что я ихъ не потеряла!—крикнула она черезъ минуту.

— Ага!—отвѣтилъ Владекъ—могла бы потерять, летѣла какъ безумная!

Дѣвочка наклонилась и лукаво заглянула ему въ лицо.

— А что?—спросила—вкусно? Владекъ скривился.

— Не особенно! — но что дѣлать? Такова наша доля и сухой крендель лучше, чѣмъ ничего! А откуда ты ихъ достала?

Она указала пальцемъ по направленію къ городу.

— Тамъ на улицѣ, какая-то барыня дала мнѣ три гроша, я и купила.

— Просила милостыню?—спросилъ мальчикъ.

— А конечно!

— Ну, ну!—говорилъ онъ встряхивая головой — какія этѣ дѣвчонки счастливыя! имъ всегда скорѣе даютъ, чѣмъ намъ... Мнѣ уже давно никто ничего не давалъ...

— Потому что ты ужъ большой, а я еще маленькая.

— Большой! вотъ такъ счастье! за то мнѣ и надобно больше ѣсть... а откуда я возьму... Дядя все болтаетъ, что онъ отдастъ меня въ ученье, ну да это вилами на водѣ написано... Да потомъ, зачѣмъ мнѣ быть мастеровымъ? Вотъ если бы бариномъ сдѣлаться, такъ это дѣло другое...

Марцеля ничего не отвѣчала. Она грызла крендель и черезъ минуту указала пальцемъ по направленію къ одному изъ маленькихъ городскихъ домовъ, говоря:

— Вотъ видишь! это домъ огородника, который тебя въ прошломъ году нанималъ копать гряды. Вотъ тамъ-то хорошо! какъ хорошо!

— Да, хорошо!—подтвердилъ Владекъ—этотъ огородничекъ страшно богатъ. Когда я буду богатъ, то куплю себѣ этотъ домъ.

А черезъ минуту прибавилъ:

— Мы повѣнчаемся съ тобой и будемъ себѣ жить вмѣстѣ!..

Дѣвочка улыбнулась.

— Вотъ такъ хорошо будетъ!—сказала она и спросила медленно:

— А откуда ты, Владекъ, возьмешь богатство?

Владекъ задумался, потомъ отвѣтилъ:

— Развѣ я знаю откуда? — откуда нибудь, да долженъ взять. Такъ ужъ мнѣ опротивѣла эта собачья жизнь... что даже...

Онъ плюнулъ и продолжалъ:

— Потому что развѣ это справедливо на свѣтѣ? У одного всего по горло, а у другаго ничего... одинъ себѣ баринъ, а другой оборванецъ, какъ я... Тетка постоянно твердитъ, что только кормитъ меня, а толку отъ меня ей нѣтъ. Чего это она ждетъ отъ меня? Въ прошломъ году я копалъ огороды и возилъ траву тачками, ну такъ чтожъ? Добрѣе ли она была ко мнѣ? Куда тамъ? еще подъ осень какъ-то, отецъ пришелъ въ избу, да и отколотилъ меня же... Вотъ тебѣ хорошо, у тебя отца нѣтъ—былъ бы...

У Марцели губы вздрогнули, точно она готовилась заплакать.

— Мать бьетъ... шепнула она.

— А когда и цѣлуетъ, утѣшалъ Владекъ, учить пѣснямъ и сказки рассказываетъ... мнѣ такъ никогда никто добраго

слова не скажетъ, бѣда!.. Вотъ иногда кажется такъ бы бросился въ этотъ прудъ съ тоски...

— Ай, ай!—испуганно крикнула Марцеля.

Владекъ взглянулъ на нее съ удивленьемъ.

— Чего визжишь? спросилъ онъ.

— Такъ, испугалась! — говорила дѣвочка — если бы ты бросился въ прудъ, то ты бы утонулъ и умеръ...

— Ну, а если бы умеръ, такъ что?

Марцеля всматривалась въ него испуганными глазами.

— То... то... тебя бы не было, отвѣтила она тихо.

— Не было бы меня, былъ бы свѣтъ, не будетъ меня, будетъ свѣтъ — присматриваясь къ своимъ босымъ ногамъ отвѣтилъ мальчикъ, но взглянулъ на Марцелю и вскрикнулъ.

— Ну чего-жъ ты такъ вытаращила глаза... вотъ ты и ревѣть начала... ну-ну—не пугайся, не утоплюсь, продолжалъ онъ. Когда нибудь буду богатымъ и женюсь на тебѣ. Будемъ себѣ ѣсть, пить, гулять подъ ручку и... я тебя никогда не оставлю до самой смерти... Господи помоги мнѣ.

Онъ ласковымъ движеніемъ провелъ рукою по волосамъ дѣвочки, потомъ вытянулся лѣниво, закинулъ обѣ руки за голову и съ лицомъ, обращеннымъ къ облакамъ, устремилъ взглядъ въ одну точку неба. Сѣрые глаза его, отѣненные русыми бровями, смотрѣли въ ту минуту вовсе не дѣтски. Въ нихъ отражалась какая то тревожная мечта. По продолговатому лицу его пробѣгалъ трепетъ и улыбка. Марцеля, склонившись надъ нимъ, опершись на ладони, слегка качалась и о чемъ то глубоко задумалась.

— Владекъ! отозвалась она тихо.

— А что? спросилъ онъ.

— Я тебѣ завтра опять крендель принесу, а можетъ и булку.

— Опять выканючишь?

— Да!

— Хорошо! принеси! а можетъ и папироску найдешь,

такъ принеси, а я какъ продамъ голубей, куплю тебѣ двѣ конфетки.

— Конфетки! вскрикнула она и лицо ея освѣтилось невыразимой радостью.

— Владекъ! шепнула она опять.

— А что?

— Я завтра пойду въ лѣсъ, наберу фартукъ барбарису и продамъ его въ городѣ... поможешь ли ты мнѣ собирать барбарисъ?

— Отчего нѣтъ? помогу.

— Какъ продамъ, отдамъ эти деньги тебѣ, ты купишь себѣ хорошенькій платочекъ на шею.

— Вотъ платочекъ! не платочекъ! а крючки для удочки! пойдемъ къ рѣкѣ рыбу ловить! хорошо!

— Вотъ такъ хорошо!

Они смолкли и выпрямились, вблизи слышались тяжелые шаги.

Солнце закатилось. На церковныхъ башняхъ угасли огненные кресты, окна городскихъ домовъ почернѣли, внизу у подножья высокой стѣны лѣса съ прицѣпившейся къ ней избушкой, на крышѣ которой сидѣло двое дѣтей, было ужъ темно, среди той темноты слышался тихій шумъ деревъ и еще болѣе тихій плескъ колышащейся ночнымъ вѣтеркомъ вѣтокъ вербъ о спящую воду. На тропинкѣ, ведущей отъ предмѣстья показалась въ сумракѣ женская фигура, низенькая, толстая, покрытая большимъ платкомъ, она тяжелыми шагами приближалась къ избушкѣ.

— Старуха идетъ!—Владекъ—сейчасъ закричитъ на меня.

— Ступай ты себѣ, Марцеля, какъ только она увидитъ насъ на крышѣ, сейчасъ догадается что мы привели голубя.

— Доброй ночи! шепнула Марцеля.

— Доброй ночи!

Они простились.

Черезъ минуту молодое деревцо, растущее у стѣны избушки, заколыхалось и Марцеля тихо спустилась на

землю, легко, какъ тѣнь, проползла подъ низкій плетень и незамѣтно сбѣжала со склона лѣса и медленнѣе зашагала къ скученнымъ на берегу рѣки домамъ и домикамъ предмѣстья. Идучи, она величественно скрестила руки и запѣла какъ можно громче:

Подъ деревомъ, у дороги,
Спало двое сиротъ,
Дерево сломилось
Убило обоихъ, убило обоихъ!

Дѣтскій голосокъ ея, похожій на серебряный колокольчикъ, взвивался вверхъ и долеталъ до избушки, двери которой отворила старуха:

— Владекъ!—крикнула она, повертывая ключъ въ замкъ. Мальчикъ, лежащій на крышѣ, молчалъ.

— Владекъ!—стараясь взглянуть на крышу, повторила старуха—ты охотился сегодня на голубей или нѣтъ?

Владекъ молчалъ.

— Нѣтъ его тамъ что ли? ворчала она—вѣрно ничего не изловилъ и прячется отъ меня, или можетъ и по улицамъ шатается... бездѣльникъ... негодяй!

Съ послѣдними словами она вошла въ избу и заперла за собою двери на ключъ.

— Ночуй же на дворѣ, когда ты такой...

Въ эту самую минуту изъ мрака снова долетѣлъ тоненькій, звучный, чистый голосъ поющей Марцели:

— Обоихъ убило,
И хорошо поступило,
Ни одного не осталось,
Потому что отъ жалости бы плакалъ,
Отъ жалости бы плакалъ!

Владекъ внимательно слушалъ, а когда серебристый голосъ замолкъ въ отдаленіи, онъ произнесъ:

— Вотъ поетъ! такъ поетъ! душа радуется!

Между тѣмъ печальная пѣсня оборванной дѣвочки за-

мирала среди сгущающагося сумрака, какъ зловѣщее предсказанье печальнаго будущаго этихъ бездомныхъ голодныхъ дѣтей, которыя за нѣсколько минутъ до этого были такъ поглощены ловлей голубей, что забыли обо всемъ остальномъ.

А. С—ва.

За перемѣну адреса уплачивается 50 коп.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Съ 1-го іюня по 1-е сентября, редакція покорнѣйше проситъ вновь поступающихъ подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ, обращаться съ своими требованіями исключительно въ Петербургъ, въ книжный магазинъ А. И. Бортневскаго, уголъ Троицкаго и Графскаго пер., а также всѣ требованія и справки, касающіяся полученія журнала, адресовать на вышесказанный магазинъ.

Контора редакціи, какъ для личныхъ объясненій, такъ и по всѣмъ прочимъ дѣламъ редакціи, помѣщается въ Малой Подъяческой, домъ № 4, кварт. № 16.

Въ виду многочисленныхъ жалобъ гг. подписчиковъ на неисправную доставку журнала „ИГРУШЕЧКА“, происшедшую, какъ въ томъ убѣдилась редакція, отъ неудовлетворительности прежняго порядка разсылки журнала, въ настоящее время измѣненнаго, редакція покорнѣйше проситъ всѣхъ гг. подписчиковъ, не получающихъ своевременно №№ журнала, не отказать вновь сообщить свои адреса, съ обозначеніемъ ближайшей почтовой конторы, для общей провѣрки адресовъ, во избѣжаніе возможности дальнѣйшей неисправности въ этомъ отношеніи.

Редакторъ-издательница Т. П. Пассекъ.

Редакторъ-издательница Т. ПАССЕКЪ.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 іюня 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.